

(ПП: распространённый дикорастущий овощ, получивший своё название благодаря нежным листьям, скручивающимся в трубочку и напоминающим кошачьи лапки. Распространён преимущественно в Северо-Восточном и Северном Китае. Его нежные листья съедобны, обладают нежной текстурой и ароматом. Их можно жарить, использовать в салатах или в качестве начинки для пельменей. Также имеет лекарственную ценность: считается, что он обладает жаропонижающим и детоксицирующим действием, способствует уменьшению отёков, а также обладает антибактериальными и противовоспалительными свойствами.)

— В горах и правда прохладно... Уже почти месяц, как лето началось, а жара так и не пришла. По утрам и вечерам до сих пор без ватного одеяла не обойтись, — сказал Янь Ци, крепко держась за руку Хо Лина и легко перепрыгивая через ручей.

Вода в ручье была чистая, как стекло, на дне виднелись снующие туда-сюда рыбы и все немаленькие, самая мелкая с ладонь.

— Лето в горах почти всегда не жаркое, — отозвался Хо Лин. — Только комаров, конечно, пруд пруди. А в остальном хоть каждый день живи, не устаёшь.

Он бросил взгляд вниз, проверил, не задел ли Янь Ци краем брюк воду, убедился, что всё сухо, и жестом подал знак Здоровяку и Хуан Яэру, которые ждали рядом, продолжать путь.

С того момента, как они забрали Хуан Яэра домой, прошло уже полмесяца. За это время он выучил несколько основных команд: если велено сидеть - не шелохнётся, а если зовут свистом - бежит, не раздумывая.

Янь Ци с Хо Лином были этим очень довольны. Хо Лин недавно начал пробовать брать его с собой на охоту за лесными крысами и зайцами. И надо сказать, двигался Хуан Яэр довольно шустро, по всей видимости, ещё в пору скитаний научился сам себе добывать еду. Так что, хоть поначалу он и был худ, но не болезненно, просто вымотан. Пожив дома и поев вдоволь всего несколько дней, он заметно окреп и набрался сил.

Теперь, когда Хуан Яэр признал хозяев и привык к новому дому, Хо Лин с Янь Ци решили впервые взять его с собой в горы. До этого его оставляли охранять двор, но теперь пришло время выучить дороги, ведь умение запомнить путь, особенно в горах, может в критический момент спасти и собаку, и людей.

Для Хуан Яэра это был первый настоящий поход в лес, и он от радости буквально прыгал - несколько раз так увлёкся, что забегал чересчур далеко. Однако, не успев хозяева окликнуть, как Здоровяк уже сам подскакивал и рывком возвращал щенка обратно, совсем как строгий наставник, не позволяя шалить.

Янь Ци с усмешкой заметил:

— А ведь сам-то тоже иной раз уходит далеко. А теперь, с появлением новой собаки, будто и

сам поумнел.

— Наверное, ревнует, — отозвался Хо Лин. — Борется за внимание.

Он как раз поднял с земли прямую и удобную ветку, не слишком тяжёлую, не слишком короткую, затем подзвал Здравяка и протянул ему.

Здравяк обожал такие ветки. У него дома был целый «тайник» - приносил, складывал под навесом или в угол у стенки, особенно любимые не позволял трогать. Если случайно одну из них использовали на растопку, он весь день потом ходил мрачный.

— На, играй, — сказал Хо Лин, бросая ветку.

Здравяк, весело подпрыгивая, подбежал, вмиг схватил ветку и, подняв голову повыше, важно зашагал вперёд. Потом, словно нарочно, сделал кружок прямо перед Хуан Яэром похвастаться, мол, смотри, какая у меня штука!

Хо Лин с Янь Ци расхохотались:

— Умудряется и хвастаться, и строить из себя важного... Сколько у него хитростей в голове! Не гляди, что пёс большой, а по сути всё тот же ребёнок.

Лишь когда Янь Ци подобрал для Хуан Яэра подходящую веточку чуть меньше по размеру и отдал, Здравяк наконец угомонился. Уравняли счёт, каждый теперь при деле, и порядок восстановлен.

Так, играя с собаками, то притормаживая, то ускоряясь, они и шли, и подниматься в гору совсем не казалось утомительным. Янь Ци вдруг вспомнил, как в первый раз пошёл в горы с Хо Лином: не прошло и получаса, а он уже задыхался, ноги подкашивались. А теперь хоть вверх, хоть вниз, всё даётся легко. Только палку в руку и хоть весь день ходи. Можно сказать, с каждым разом он всё больше становился настоящим фуланом для горного промысловика.

В прошлый раз, когда они ходили в деревню, Мин-гер, увидев его, даже заметил, что у него цвет лица стал лучше. Раньше, мол, думал, что бедняге в горах страшно да тяжело живётся, а оказалось наоборот - здешняя жизнь словно на пользу идёт.

Янь Ци подумал: может, это потому, что они дома пьют настойку на чаге-берёзовом грибе. В их доме этой заварки сколько хочешь, едва ли не каждый приём пищи с ней идёт. Он расспросил Хо Лина, а потом специально отобрал немного и передал Мин-геру, заранее пояснив: мол, это в основном крошево, обломки, продавать их смысла нет, ценности почти никакой, так что пусть не считает за дар великой щедрости, а просто спокойно примет.

Тогда в доме как раз была мать Линь Чансуя. Сначала она стала отнекиваться, мол, не возьмёт,

слишком дорого. Всё-таки этот гриб в продаже стоит по несколько десятков вэнь за цзинь, как же можно взять просто так?

Янь Ци тогда долго объяснял, чуть ли не уговаривал: это грибные отходы, и на рынок его всё равно не понесёшь. Наконец, после долгих слов, всё же удалось оставить пакет. Но мать Линь и на том не успокоилась, всё равно выбежала следом, сказала, что по осени обязательно передаст им хорошего сяо ми - проса с их собственного поля.

Просо - зерно вроде пшена, в народе его тоже называли "сяо ми", и в семье Линь уже давно оставляли под него отдельный участок. Была ли причина в особом составе земли, или ещё в чём - неизвестно, но вся деревня говорила: если варить кашу из их проса, аромат стоит на весь дом.

Дорога в гору вилась, как змея, и пройти её без блужданий могли только те, кто знал местность как свои пять пальцев - бывалые охотники да настоящие горные промысловики. Вид кругом был вроде ничем не примечательный, но стоило пройти немного дальше, как тропа неожиданно вывела к крошечному водопаду. Вода ниспадала с утёса звонко и свежо, и, благодаря недавним дождям, поток был крепким. Стоя рядом, ощущаешь, как лёгкий прохладный воздух бьёт прямо в лицо, бодрит и будто смывает всю летнюю духоту.

Ниже, у подножия водопада, природа выточила круглый водоём - чистый, тихий, как зеркало. Здоровяк с Хуан Яэром без всяких команд подбежали к краю, опустили на живот и с шумом начали лакать воду - языки у обоих широкие, брызги летят, пьётся с аппетитом.

— Эту воду мы тоже можем пить, — сказал Хо Лин. — Только брать надо ту, что прямо сверху стекает, чистую.

Они с собой взяли три фляги, и одна как раз опустела. Хо Лин открутил крышку, подставил флягу под струю, набрал холодной родниковой воды и протянул Янь Ци.

Тот отпил немного мелкими глотками и с улыбкой сказал:

— Сладкая. Даже чуть слаще, чем у нас перед домом течёт.

Хотя пить хотелось, он всё же не стал спешить: вода холодная, горная, может и живот прихватить.

— Все горные источники сладкие, — кивнул Хо Лин. — Чем выше в гору, тем чище и вкуснее. Раньше, бывало, делать было нечего, так я, по примеру отца Да Яна, сидел у воды, неспеша заваривал чай прямо на родниковой. И правда, аромат куда ярче, чем если просто кипятком заварить. Только вот если переборщишь, потом заснуть ночью не можешь.

Сам он не был таким щепетильным: сделал пару больших глотков, потом снова набрал флягу до

краёв и повесил её на пояс.

— Пруд, кстати, глубокий. Я только глянул и уже видно: рыба там крупная. Когда назад пойдём, попробую одну поймать, сварим на ужин.

Есть в пруду крупная рыба или нет, не суть важно, ведь главное сегодня не это: первейшее дело - сбор дикорастущих овощей. То, что нарвут сейчас, можно будет продать, а в следующий раз такая возможность представится лишь через год.

Помимо традиционных молодых побегов аралии, Хо Лин ещё отыскал пару участков, где росла «кошачья лапка» - дикий овощ, по типу схожий с папоротником. Она также пробивается прямо из земли, с виду будто маленькая зелёная лапка кота, оттого и прозвище такое. Срывать её можно только сейчас, немного позже, как только на «лапке» начнут разворачиваться листья, стебель моментально станет грубым, и уже не пригодится в пищу. Старые дикорастущие овощи теряют вкус: они становятся колкими, на ощупь жёсткими - жуёшь- жуёшь, а прожевать до конца не выходит, не то что проглотить, только выплюнуть остаётся.

По этой причине почти все дикорастущие овощи, особенно кошачья лапка, имеют короткий срок сбора. На равнине такие травы уже давно перезрели, лишь в горах, где прохладней, ещё можно найти редкие поздние побеги. Но и здесь их не так уж много, а выбирать приходится особенно тщательно, ведь большинство уже успели дать листву.

— Надо было на пару дней раньше прийти, — расстроено сказал Янь Ци.

Аккуратно обходя те побеги, где листья уже показались, он подбирал свежие, плотные и складывал отдельно, к остальной зелени.

Из всей растущей тут кошачьей лапки примерно половина уже переросла и дала листья, а значит, к сбору не годится. Хорошо хоть склон этот зарос сплошняком, стоит приложить старание, да как следует поискать - глядишь, и наскребётся цзиней семь-восемь. Это примерно на два цянтя серебра, а если совсем удачно, то, может, и на три.

— А ведь в те дни мы не сидели без дела, — успокаивающе заметил Хо Лин. — Байлуншань такая большая, и на ней столько всякого... Где это видано, чтобы все дары гор враз собрать? Стараться надо, вот и всё.

Он много лет ходил по горам, и давно всё для себя понял. Когда только начинал, думал: чем больше набрал, тем больше выручил, а значит, и лучше. Не боялся усталости, тащил тяжести, гнался за каждым пучком. А однажды переусердствовал, не рассчитал время и когда спохватился, обратный путь уже пришлось проделывать почти в полной темноте. А как ночь опускается, зверьё в лесу начинает шастать ещё активней, чем днём - и воют, и рычат, будто со всех сторон. Домой он тогда ворвался весь в поту, с колотящимся сердцем, и с той поры зарёкся жадничать: лучше вернуться пораньше, чем рисковать головой из-за пары лишних цзиней.

Всё, что выросло само, без людской руки, и сегодня будет ждать, и завтра. Не стоит гробить себя за горсть лишнего.

Янь Ци поразмыслил и тоже согласился: всё так. Байлуншань и впрямь кладовая, что ни шаг, то сокровище. Только вот человек не бездонный мешок. Сколько можешь унести, столько и твоё. А жадничать, надеясь заполнить всё и сразу лишь себе во вред.

Собрав с горного склона всю кошачью лапку, они устроились на привал. Янь Ци вертел в пальцах один из диких побегов, уже выпустивший листья, и, покачивая им на ветру, вдруг усмехнулся:

— Вот скажи, брат Хо, кто вообще придумывает этим травам названия? То обезьянья ножка, то кошачья лапка...

— А ещё есть бычье колено, или, скажем, волосатое ухо, — рассмеялся Хо Лин. — С детства всё так зову, и в голову не приходило, что это странно. Но если вдуматься - и правда смешно.

— По мне, из всех этих только кошачья лапка хоть как-то оправдывает название. Правда ведь похожа.

Янь Ци вспомнил, как в полях у него на родине росла одна съедобная сорная трава - там её звали «лайцзыцай» - лягушачья горсть, а здесь она называлась «упрямая трава» за то, что листья у неё на ощупь чуть цепкие, будто липнут к пальцам.

— Я в детстве как-то сильно болел, потом долго от кашля не мог отделаться, — сказал Янь Ци, глядя на траву в руке. — Тогда дома услышали, будто эта трава кашель лечит, так и бегали с ней вокруг меня, всё мне скормили.

— И что, помогло? — любопытно спросил Хо Лин.

— Да кто ж теперь вспомнит, — улыбнулся Янь Ци. — Наверное, был толк.

Но на самом-то деле за Великой Стеной съедобной дикой травы хватает, от голода никто не бедствует. Потому такая, что и не особо вкусна, и встречается часто, больше считается как сорняк, её чаще выпалывают, чем собирают.

Хо Лин сказал:

— В следующий раз, если снова попадётся, сорвём немного и высушим про запас, вдруг пригодится.

Пока они беседовали, животы уже начали напоминать о себе, и они достали из-за пазухи

припасённую снедь. В чистом полотняном мешочке лежали испечённые с утра лепёшки с пастушьей сумкой - они были повкуснее обычного сухого пайка. Вообще, в сезон диких овощей люди в Гуаньвае будто стремятся наверстать всё за раз, день без двух цзиней зелени им уже не в радость. Ведь свежие овощи здесь редкий гость, сезон длится недолго, а зимой, хоть и есть погрёба и овощные ямы, из зелени разве что капуста.

Хо Лин рассказывал, что как только осень берёт своё, вскоре выпадает первый снег. А если идти ещё севернее, так там и вовсе в восьмом месяце уже бывает метель, в то время как где-нибудь южнее люди всё ещё страдают от "осеннего тигра" - палящего зноя, будто в разгар лета.

Достав лепёшки, Хо Лин первым отломил кусочек и бросил его далеко в чашу. Янь Ци, видя это, тоже отщипнул и метнул вперёд. Таков обычай у горных промысловиков - в лесу еда всегда холодная: разжигать огонь нельзя, чтобы не спровоцировать пожар. А прежде, чем поесть, полагается отломить кусок и отбросить в сторону в знак почтения к духам гор.

В обычное время стоит бросить что-то съестное, значит, угощение для собак. Но теперь, когда кусочки лепёшки полетели в чашу, Здоровяк, опытный пёс, и ухом не повёл, знал, что не для него. Хуан Яэр, напротив, сначала потянулся было в ту сторону, но как только Здоровяк грозно залаял, тут же замер на месте, не посмел сдвинуться. А когда уже Янь Ци метнул второй кусочек, Хуан Яэр, кажется, всё понял: остался стоять, дружелюбно завил хвостом и в знак поддержки дважды коротко гавкнул.

Холодные лепёшки с пастушьей сумкой, конечно, уступали тёплым, но только за счёт того, что они были потолще, да к тому же не просто поджарены на сухой сковороде, а с промазанным маслом дном, жевались приятно и аромат от них шёл достойный. Янь Ци одной лепёшки наелся досыта, Хо Лину же и двух было маловато. Но он и не стал переедать, в горах это вредно: тяжесть в животе, боль в кишках, да и сил по тому не прибавляется. Он давно усвоил, что лучшая мера - наестся на семь частей из десяти.

А Здоровяк с Хуан Яэром тем временем убежали в сторону искать что-нибудь съестное на своё усмотрение. Если найдут - пообедают, нет - без ужина дома всё равно не останутся.

Однако Хо Лин и не собирался давать Хуан Яэру просто прогуливаться, он хотел хорошенько натренировать его охотничьи навыки. А уж кто может быть лучше учителя, чем Здоровяк? С таким наставником и самому вмешиваться не нужно.

После того как сухая лепёшка перекочевала в желудок, ощущение сытости было таким приятным, что хотелось просто вытянуться на траве и слушать, как поют птицы. Янь Ци довольно потянулся, потом налил немного воды из фляги, сполоснул руки и вытер их платком. А после занялся делом, которое летом в горах было почти священным ритуалом - приподнял одежду Хо Лина и принялся ловить с него травяных клещей. В последнее время этих тварей расплодилось столько, что даже аромат лекарственного саше, что отпугивал насекомых, больше не справлялся. Раньше, бывало, возвращались домой и только тогда принимались вылавливать паразитов - за это время многие успевали вгрызться в кожу. Выжигать их потом огнём занятие не из приятных: и больно, и смотреть страшно. Потому теперь клещей ловили по

дороге. Это сэкономило и силы, и нервы.

Хо Лин без лишних слов стащил с себя рубаху, обнажив спину. Янь Ци сразу сосредоточился, ни на что не отвлекаясь, поочерёдно ловил и прихлопывал насекомых. За несколько минут ему удалось прикончить четверых, чем он остался весьма доволен.

Но ведь и Хо Лин не собирался оставаться в долгу, теперь уже он должен был помочь Янь Ци избавиться от клещей. Хотя подобное происходило не в первый раз, движения Янь Ци не были ни скованными, ни застенчивыми, и всё же, уши его поневоле покраснели. Всё-таки гер отличается от мужчины: под верхней одеждой он носил дуду - короткую нательную рубашку, закрывающую только грудь. Сзади же лишь две завязки: одна у шеи, вторая на талии. Потому открытых участков кожи оставалось немало.

Для поимки ползучих насекомых удобно. А вот для прочего... тут уж всё зависело от ситуации.

В отличие от Хо Лина, покрытого потом после хождения по горам, тело Янь Ци оставалось свежим и сухим, словно он только что помылся. Пальцы Хо Лина скользнули по тонкой коже, притворяясь, что ищут насекомых, но в действительности вызывая у него самую сухость во рту и лёгкое головокружение.

Минуты шли, а за спиной ничего не происходило. Янь Ци не выдержал и негромко позвал:

— Хо Лин?

Тот словно очнулся от сладкой дремы, торопливо поднял принесённую одежду и заботливо накинул её Янь Ци на плечи.

Пока Янь Ци склонил голову, завязывая одежду, Хо Лин вдруг подался вперёд и крепко обнял его, прижав к себе, подбородком оперевшись ему на плечо. Если смотреть сбоку, то казалось, будто весь Янь Ци оказался спрятан в объятиях высокого Хо Лина, словно дикий зверь оберегал свою территорию.

— Что случилось? — спросил Янь Ци, обеспокоенный внезапной близостью, — ты не заболел?

Он хотел было повернуться, чтобы посмотреть на него, но у него ничего не вышло.

— Просто немного устал, — тихо ответил Хо Лин. — Дай мне немного постоять так.

Подбородок мужчины слегка потерся о его плечо, и от этого лёгкого касания у Янь Ци по спине побежали мурашки. Он не решился шевелиться, позволив Хо Лину остаться в этой позе. Прошло несколько дыханий, но любопытство взяло верх. Янь Ци слегка повернул голову. Щека Хо Лина оказалась совсем рядом, так близко, что Янь Ци не мог отвести взгляда.

Прямой нос, длинные ресницы, губы... губы мягкие. Это Янь Ци знал слишком хорошо. Будто под каким-то наваждением, он чуть склонил голову и, сам не осознавая, прижался к ним.

В тот самый миг Хо Лин ощутил, как в груди разлилось тёплое, нежное чувство, и отпустить не хотелось ещё сильнее. Они так и остались, прижавшись друг к другу, молча сидя среди зарослей кошачьей лапки. Казалось, всё вокруг замерло, и весь мир притих, будто и само время решило задержаться, чтобы не потревожить эту тишину.

<http://bllate.org/book/13599/1205893>